

И. Ильф, Е. Петров

Светлая личность

повести

Москва
«ИФФ Финанс»

УДК 82-3
ББК 84
И48

*Настоящее издание подготовлено совместно
с ООО «Книга по Требованию»*

И48 **Ильф И.А.**
Светлая личность: повести / И. Ильф, Е. Петров – М.: ИФФ ФИНАНС

2016. – 250 с.

ISBN 978-5-519-01237-9

Настоящее издание представляет сатирические повести и рассказы написанные с 1928 по 1937 годы. Знатоки творчества Ильфа и Петрова без труда разгадают сюжетные ходы, фамилии, события, которые были использованы авторами в своих романах. Те, кто решил расширить свои познания дальше хрестоматийных «стульев» и «теленка» с большим удовольствием откроют для себя новые, неожиданные стороны писателей и обязательно оценят яркий, веселый и жизнерадостный язык и выдумку знакомых, казалось бы, писателей. Ну, а те, кто только открывает для себя такую непростую отечественную литературу – с удивлением отметят, что и в те «далекие времена» умели писать замечательные произведения, которые лучше многих учебников истории расскажут о людях и жизни 20х-30х гг. И им обязательно захочется читать Ильфа и Петрова ещё и ещё.

ISBN 978-5-519-01237-9

© И.А.Ильф, Е.П.Петров, наследники, 2016
© ООО «ИФФ ФИНАНС», 2016
© Книга по Требованию, 2016

Предисловие

Ильф и Петров. Именно так, без имён.

В 60-70 годы это воспринималось не просто как авторский тандем — это был маркер. Система распознавания «свой — чужой». В минимальный обязательный набор «своего» всегда входило дословное знание «Двенадцати стульев» и «Золотого тельца» и умение ловко ввернуть нужную цитату в соответствующую ситуацию. С тем, кто не готов был продолжить начатую фразу из «Стульев» дальнейшее общение могло и не состояться, но с другим — кто понимающе подхватывал такую эстафету — почти всегда можно было найти и общий язык, и общие темы для разговора и даже для дружба.

Что же сейчас?

Если мы сегодня пристанем к прохожим на улице с простым вопросом «Что такое Ильф-и-Петров?», то большинство людей пожилого возраста расцветут улыбками и будут готовы подробнейшим об-

разом пересказывать содержание известных им книг и фельетонов. Люди среднего возраста скорее вспомнят фильмы — с Юрским, Куравлёвым и Гердтом, с Гомиашвили и Филипповым, с Мироновым и Папановым — но затруднятся вспомнить настоящие фамилии авторов, или название парохода, на котором по Волге плыли гениальные художники Ося и Киса, или объяснить почему Америка — «одноэтажная». Если же неосторожно обратимся к молодым (и очень молодым) людям, то рискуем в ответ получить пустой лучезарный и недоумевающий взгляд — при этом наиболее продвинутые личности всё-таки соизволят заглянуть в интернетовский поисковик, но все прочие, похлопав ресницами, пожмут плечами, и тут же забудут о существовании вопроса. Что делать — время проходит, вкусы и пристрастия меняются, и даже одни из самых жизнерадостных и остроумных книг русской литературы тоже не вечны в табели ценностей современных читателей.

Изменился мир, в котором появились Ильф и Петров, изменились люди, для которых эти книги писались. Многие из того, о чём они писали, просто исчезло из житейского обихода — либо было вытеснено реалиями другого, более прагматичного времени. Ильф и Петров искренне верили в социализм, в то, что именно этот строй сделает мир чище, благороднее, честнее, обильнее... и всеми своими произведениями помогали, как могли, этим идеям поскорее стать былью. Они могли сравнивать то, что было — с тем, что только появлялось. Они верили, что их работа — журналистская, писательская работа — поможет обществу поскорее преодолеть недостатки «проклятого прошлого», поскорее прийти к полновесному социалистическому настоящему и далее — к коммунистическому будущему. Но для самих писателей настоящее было далеко не безоблачным и до обидного — коротким.

Ильф скончался от туберкулеза в 1937 году. Петров погиб в авиакатастрофе в 1942 году. Вместе они писали всего 10 лет.

Так получилось, что, в основном, в памяти читателей надолго закрепились именно романы Ильфа и Петрова — «Двенадцать стульев», «Золотой теленок», ну и ещё «Одноэтажная Америка». Мало кто сейчас помнит, что они были первоклассными журналистами, которых наперебой приглашали сотрудничать ведущие газеты и журналы. Мало кто знает, что они писали прекрасные повести — сатирические, юмористические, лирические — им был под силу любой писательский жанр. И почти ушло из памяти, что они были еще и талантливыми драматургами и киносценаристами. Популярными киноленты «Праздник святого Йоргена», «Однажды летом», «Черный барак», «Цирк», музыкальное ревю «Под куполом цирка», ставшее событием в Москве 30-х годов — все они стали заметными событиями в культурной жизни советского довоенного периода.

Настоящее издание представляет сатирические повести, пьесы и сценарии, написанные с 1928 по 1937 годы. Знатоки творчества Ильфа и Петрова без труда разгадают сюжетные ходы, фамилии, события, которые были использованы авторами в своих романах. Те, кто решил расширить свои познания дальше хрестоматийных «стульев» и «теленка» с большим удовольствием откроют для себя новые, неожиданные стороны писателей и обязательно оценят яркий, веселый и жизнерадостный язык и выдумку знакомых, казалось бы, писателей. Ну, а те, кто только открывает для себя такую непростую отечественную литературу — с удивлением отметят, что и в те «далекие времена» умели писать замечательные произведения, которые лучше многих учебников истории расскажут о людях и жизни 20х-30х гг. И им обязательно захочется читать Ильфа и Петрова ещё и ещё.

И тогда — кто знает — может быть снова, как много лет назад, слова «Ильф и Петров» в нашем разговорном обиходе станут значить больше, чем просто фамилии замечательных писателей.

Светлая личность

Глава I. «Веснулин» Бабского

Нет ни одного гадкого слова, которое не было бы дано человеку в качестве фамилии. Счастлив человек, получивший по наследству фамилию Баранов. Не обременены никакими тяготами и граждане с фамилиями Баранович и Барановский. Намного хуже чувствует себя Баранский. Уже в этой фамилии слышится какая-то насмешка. В школе Баранскому живется труднее, чем высокому и сильному Баранову, футболисту Барановскому и чистенькому коллекционеру марок Барановичу. И совсем скверно живется на свете гр. Барану, Баранчику и Барашеку.

Власть фамилии над человеком иногда безгранична. Гражданин Баран если и спасется от скарлатины в детстве, то все равно проворуется и зрелые свои годы проведет в исправительно-трудовых домах. С фамилией Баранчик не сделаешь карьеры. Общеизвестен тов. Баранчик, пытавшийся побороть проклятие, наложенное на него фамилией, и с этой целью подавшийся было в марксисты. Баранчик стал балластом, выметенным впоследствии железной метлой. Братья Барашек и не думают отдаваться государственной деятельности. Они сразу посвящают себя молочной торговле и бесславно тонут в волнах нэпа.

Герою нашего повествования досталась благонадежная, ручейковая фамилия — Филюрин. Он никогда не попадал в неудобные, смешные положения, в которых барахтаются Бараны, Баранчики и Барашеки. Солнце исправно освещало жизненный путь Егора Карловича Филюрина.

Пятнадцатого июля оно светило несколько сильнее обычного, потому что в этот день во всех учреждениях города Пищеслава выдавали полумесячное жалование. Булыжные мостовые бросали зеркальный отсвет, перебегавший под карнизами немудреных пищеславских домов. Госпапиросник в полотняном переднике стоял на Тимирязевской площади в столбах солнечного света и жмурился на свой стеклянный ларек. На боку папиросника висел горчичного цвета фанерный ящичек с двумя надписями. Первая, прозаическая — была кратка: «Ящик для жалоб». Вторая была в стихах:

Остановитесь, потребители!

Жалобу на этого папиросника опустить не хотите ли?

В Пищеславе чрезвычайно заботились о благополучии граждан.

Егор Карлович Филюрин торопливо подошел к зашевелившемуся папироснику, купил двадцать пять штук папирос «Дефект», вынул из кармана заранее заготовленную жалобу и опустил ее в горчичный ящик. Прodelывал это Филюрин ежедневно, так как был человеком с общественной жилкой. Иногда он жаловался на жесткий вкус папирос «Дефект», иногда протестовал против мягкой упаковки или же обрушивался на антисанитарный передник продавца. Если придаться было не к чему, Филюрин опускал в ящик узенькую ленточку бумаги со словами: «Сегодня никаких недочетов не выявлено. Е. Филюрин».

Пыхнув папироской, Филюрин отошел от равнодушного продавца и, пересекая вымощенную квадратными плитами площадь, очутился в освежающей тени конной статуи Тимирязева. Великий агроном и профессор ботаники скакал на чугунном коне, простерши впереди правую руку с зажатым в ней корнеплодом. Четырехугольная с кистью шапочка доктора Оксфордского университета косо и лихо сидела на почетной голове ученого. Многопудовая мантия падала с плеч крупными складками. Конь, мощно стянутый поводьями, дирижировал занесенными в самое небо копытами. Великий ученый, рыцарь мирного труда, сжимал круглые бока своего коня ногами,